

АТРИБУТИВНО-АДВЕРБИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ

В настоящей работе на материале «Повести временных лет» рассматриваются древнерусские действительные причастия настоящего и прошедшего времени в атрибутивно-адвербиальной функции. Поскольку краткие формы действительных причастий в именительном падеже в постпозиции одновременно могли выполнять функцию атрибута и адверба, данные формы на современный сербский язык переводятся определительным придаточным предложением или деепричастным оборотом. Благодаря сложной системе прошедших времен, сербский язык служит моделью для реконструкции значения древнерусских причастий, чем подчеркивается важность их сопоставительного изучения.

Ключевые слова: действительное причастие, древнерусский язык, сербский язык, определительное предложение, деепричастный оборот.

0. Введение

В настоящей работе рассматриваются действительные причастия настоящего (далее ДПНВ) и прошедшего (далее ДППВ) времени в смешанной атрибутивно-адвербиальной функции. Благодаря краткой форме причастий, такую синтаксическую функцию можно толковать и переводить на современные языки определительным придаточным предложением или деепричастным оборотом. Основной материал для анализа — «Повесть временных лет» (далее ПВЛ) по «Лаврентьевской летописи» (далее Л), 1377 год и ее переводы на современный сербский язык Н. Косовича¹ и В. Минича² и современный русский язык Д. С. Лихачева и О. В. Творогова. Если рассматриваемые формы в других списках — «Троицком» (далее Т), XIV–XV век, «Радзивиловском» (далее Р),

* visnja_visnjevac@yahoo.com

¹ Н. Косович на современный сербский язык не перевел «Поучение детям» Владимира Мономаха, которое хранится в составе Л.

² В. Минич на современный сербский язык перевел только части ПВЛ.

конец XV века и «Рукописи Московской Духовной Академии» (далее А), XV век — отличаются, то приводятся в анализе. Кроме того, в некоторых примерах обратим внимание на категорию глагольного вида, поскольку она в период древнерусского языка еще полностью не морфологизировалась, поэтому значение вида определялось контекстом³. Анализируя древнерусский и современный сербский языки в их синхронном срезе, подчеркнем важность их сопоставительного изучения, особенно системы прошедших времен.

1. Атрибутивно-адвербиальная функция действительных причастий

В древнерусском языке действительные причастия настоящего и прошедшего времени могли выполнять одну из следующих синтаксических функций: 1) субстантивную, 2) атрибутивную, 3) функцию сказуемого, 4) функцию дательного самостоятельного, 5) атрибутивно-адвербиальную и 6) адвербиальную функцию. Если причастие стоит в постпозиции, т. е. если оно следует за существительным или словосочетанием, в краткой форме именительного падежа единственного или множественного числа, то его можно толковать как выражение атрибутивного⁴ и адвербиального значения.

На возможность двойного толкования причастий указывал А. Белич. Автор причастие в предложении *жена плачущи прииде* переводит определительным придаточным предложением с формой имперфекта в сказуемом⁵: *жена која плакаше дође*. „Старословенско *чловѣкъ плача прииде* и српскохрватско *човек плачући дође* у чем се разликују? Очевидно је смисао исти, али граматички међу њима има извесне разлике: старосл. пример могао би се овако претставити: *човек који је у плачу дође*, а српски — *човек дође у плачу*. У првом случају је глаголска радња приписана као особина

³ О развитии категории глагольного вида см. ИГРЯ 1982: 158–279.

⁴ На возможность употребления древнерусских кратких форм причастий в атрибутивной функции указывают следующие примеры причастий в косвенных падежах: и проводоша Бориса и слугу его *падша на не* (ПВЛ 1962: 134); же въздасть на грѣшники намъ *сущемъ* (ПВЛ 1962: 119)

⁵ На другом месте автор данное причастие переводит аористом глагола несовершенного вида: *жена која плака дође* (БЕЛИЧ 1998: 275–276).

једном предмету мишљења, којом се он разликује од других предмета мишљења, а која претставља радњу субјекта која се вршила паралелно са глаголом предиката; међутим у другом случају имамо модификацију, изношење радње предиката под извесним околностима. Партицип се по односима својим наводи међу субјектом и предикатом (ако узмемо њихову употребу уз субјекте); а прилог глаголски, — одваја се од субјекта и прилази сасвим прироку“ (БЕЛИЧ 1933–1934: 198).

М. Пешикан, с другой стороны, подчеркивает, что в примере „жена трепештжшти прииде (као и у *Жена дрхтећи дође*) није функција партиципа да диференцира, одвоји поменути жену од других жена и уопште од других именичких појмова; она је већ довољно одређена у претходном тексту (жена едина сжшти вѣ тоуѣнии крѣве итд.), већ да диференцира њено стање у тренутку доласка (за разлику од других могућих стања у којима је могла бити иста та жена у истом тренутку) — или шире: да диференцира начин на који је она извршила радњу“ (ПЕШИКАН 1959: 93–94). Автор дальше в работе допускает теоретическую возможность толковать рассматриваемое причастие и как атрибут: „али ако уместо неодређеног чловѣкѣ ставимо на пр. исѣсѣ, значење партиципа биће истоветно значењу српскохрватског герундија“ (ПЕШИКАН 1959: 94). Не считая согласование причастия с подлежащим причиной для его интерпретации как атрибута, автор дальше говорит, что „адвербијална функција врло оштро и врло јасно је одвојена од других функција партиципа, тако да обличка подударност не доноси и измењено значење“ (ПЕШИКАН 1959: 94). В дальнейшем изложении автор все-таки указывает на возможное двоякое толкование: „Иако се ове две категорије — атрибутско-субјекатска и адвербијална функција — оштро и јасно разликују једна од друге, ипак се граница између њих не може строго и прецизно одредити. Наиме, постоје извесни гранични случајеви, са елементима једне и друге категорије“ (ПЕШИКАН 1959: 96). Такие примеры представляют своего рода атрибутивную категорию, характер которой отражается в дополнительном определении уже определенного понятия. „Ту функцију врше у српскохрватском обично релативне реченице (оне које у логичкој интерпункцији одвајамо запетама): *А кад дође тај твој син, који ти је имање просуо..., заклао си му теле,* — а у старословенском, поред релативних реченица, и пар-

тиципи: егда же с(ы)нъ съ изъдѣи твоѣ имѣние... приде. закла емѣ тельць (Сав. Л. 1530). Овде настаје могућност двојаког тумачења (и превођења) старословенских партиципа, јер реченица има у извесној мери хомонимичан карактер: *кад овај син дође, који је просуо твоје имање...* и: *кад овај син, просувши твоје имање, дође...* Ове граничне случајеве не треба схватити као неко опште преплитање атрибутске и адвербијалне функције. Отсуство јасне границе јавља се само у појединачним случајевима поменуте атрибутске категорије (накнадне одредбе већ одређеног појма), иначе је граница између обеју функција потпуно јасна“ (ПЕШИКАН 1959: 96–97). В приведенном автором примере употребљено ДППВ, но такую же функцију выполняло и ДПНВ.

П. Джёрджич подчеркивает: „Завршетак прилога *-ћи* везује се за номинатив једнине женског рода прости партиципске промене, зато се активни партицип презента у старословенском језику када је употребљен у номинативу прости промене може преводити нашим прилогом садашњим [...] послѣдъ же придж и прочаѣ дѣвѣи глагољшита (Матеј 25.11) — а послѣ дођоше и оне друге дјевојке *говорећи...*“ (ДЖЁРДЖИЧ 1975: 165–166). Но, с другой стороны, автор пише, что действительное причастие в именительном падеже краткой формы можно переводить личной глагольной формой. Так пример с причастием в краткой форме, следующим за существительным, переводит именно определительным придаточным предложением: „жена сжшти въ тоуении крѣве лѣтѣ дѣвѣи на десате... прикоснж са ризѣ њго (Марко 5.25) — жена *која је дванаест година боловала од точења крви...* дотаче се халине његове“ (ДЖЁРДЖИЧ 1975: 167).

Анализирају сербски јазык в начале XIX века, Л. Суботич особенно выделяет примеры, в которых можно осуществить двоякую интерпретацию причастий: „Забележени су и примери које, захваљујући томе што је облик партиципа идентичан са обликом адверба, тј., налази се у номинативу једнине, односно множине и то мушког рода, можемо тумачити *двојако*, као *партиципе* или као *адвербе*. Дакле, конгруенција са субјектом (мушки род) отвара могућност двоструке трансформације: T_1 -трансформација партиципа као атрибута уз именицу-субјекат и T_2 -трансформација партиципског облика у функцији адверба услед његовог обличког синкретизма са герундијем“ (СУБОТИЧ 1984: 45). При-

меры, в которых древнерусское причастие относится и к существительным женского рода, мы приведем ниже. Так, Л. Суботич примеры, содержащие ДПНВ и ДППВ в данной функции, толкует следующим способом:

„— *орао летѣћи* ђетету высокій духъ дае⁶
/Г₁ → орао који лети.../
/Г₂ → орао, кад лети⁷, даје детету.../“ (СУБОТИЧ 1984: 46)

„— Ово е исто Г. Стоянъ Симић дошавши кодъ Светића нѣму саопшти⁸.
/Г₁ → Г. Стојан Симић, који је дошао код Светића, ово исто њему је саопшти/
/Г₂ → када је дошао код Светића, Стојан Симић му је ово саопшти/“
(СУБОТИЧ 1984: 65)

2. Атрибутивно-адвербиальная функция ДПНВ

Кроме значения настоящего времени как основного, в примерах, когда речь идет о прошлых событиях, ДПНВ получало значение прошедшего времени, именно имперфекта. Архаические грамматические характеристики современного сербского языка, т. е. сложная система прошедших времен, в том числе и имперфект, позволяет нам делать соответствующую реконструкцию семантики древнерусских форм. С другой стороны, в ходе исторического развития русского языка утрачены формы прошедших времен, т. е. одна форма — по происхождению причастие на -л — начала выражать все значения прошедших времен (ИГРЯ 1982: 79, 124). Поэтому в анализируемых примерах в переводах на современный русский язык мы можем говорить только о категории глагольного вида.

2.1. Значение настоящего времени ДПНВ

Сначала рассмотрим ДПНВ в атрибутивно-адвербиальной функции в основном значении настоящего времени.

⁶ Автор приводит пример из произведения Якова Игнатовича «Джюрадџ Бранкович».

⁷ Во втором варианте перевода причастия в данной функции автор употребляет временно⁴е придаточное предложение. В нашем анализе причастие в такой функции мы будем толковать как деепричастный оборот.

⁸ Автор приводит пример из произведения Йована Хаджича «Утук II».

(1) ВНЕЗАПУ СВѢ ВОСЬ ко ѿ слнца вѡсь в пещерѣ ко зракѣ *вѣнима* ѹлвкѹ (ПВЛ 1962: 192)

(1a) [...] одједном свјетлост засја у пећини као од сунца, тачно *вадећи* очи човјеку. (КОСОВИЧ 2003: 119)

(1б) [...] внезапно свет воссиял в пещере, как от солнца, точно глаза *вынима* у человека. (ЛИХАЧЕВ 1996: 220; ТВОРОГОВ)

В приведенном примере и сербский, и русские переводчики причастие в смешанной функции перевели деепричастным оборотом. Имея в виду, что в данной форме включено и атрибутивное значение, ДПНВ можно перевести и определительным предложением с формой настоящего времени в сказуемом: *као зрак који вади очи човеку*.

(2) ко корабль куплю дѣюцю [издалеча] и свираеть ѡсобь бѣтство и вѣставъ и ѿ ноци (ПВЛ 1962: 81)

(2a) [...] „Она, као брод, издалека скупља себи богатство, и устаје још док је ноћ, [...]“ (КОСОВИЧ 2003: 51)

(2б) [...] «Она, как купеческий корабль, *занимающийся* торговлей, изда- лека собирает себе богатство, и встает еще ночью, [...]» (ЛИХАЧЕВ 1996: 174; ТВОРОГОВ)

Под влиянием существительного *кѡпла* (вин. п. *кѡплю*) причастие здесь в винительном падеже женского рода⁹. В других списках — Р и А — приводится форма именительного падежа также женского рода *дѣюци*, но данное причастие в мужском роде должно быть в форме *дѣ*. В русском переводе употреблено ДПНВ, поскольку этот язык сохранил его. С другой стороны, сербский переводчик в своем переводе опустил причастие. Поскольку рассматриваемую форму толкуем двумя возможными способами, именно в этом примере увидим разницу, т. е., с одной стороны, можно употребить определительное придаточное предложение: *као брод који тргује*, в то время как, с другой, говорим о значении деепричастного оборота: *као брод тргујући*.

(3) мѡ ѹлвци грѣшни суще и смѣтни то ѡже ны зло створить то хо- щемъ и пожрети и кровь ѿго проль|| ти¹⁰ вскорѣ а Гъ нашъ *владѣ* и животомъ и смѣтью согрѣшенъ наша вѣше главы нше терпитъ и пакы и до живота нашего (ПВЛ 1962: 243)

(3a) Ми, људи, грешни и смртни смо и, ако нам неко учини зло, хоћемо да га прогутамо и да што прије његову крв пролијемо. А Господ наш, *управљајући* и животом и смрћу, гријехе наше предуго трпи, ио наш живот. (МИНИЧ 1994: 21)

(3б) Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, *владея*

⁹ См. ИГРЯ 1982: 304–305.

¹⁰ Знак || указывает на переход на новый лист в древнерусском тексте.

и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. (ЛИХАЧЕВ 1996: 238)

И в приведенном примере, кроме деепричастного оборота, при переводе ДПНВ можно употребить определительное предложение: *А Господ који управља*.

2.2. Значение имперфекта ДПНВ

Как мы уже говорили, если ДПНВ относится к прошлым событиям, а таких примеров в ПВЛ, благодаря ее нарративному характеру, немало, то оно получает значение имперфекта.

(1) се же наведе на ны Бѣ: вела нѣ имѣти пока^ннѣ и вѣстагнутисѣ ѿ грѣха. (ПВЛ 1962: 215)

(1a) Ово пак изведе на нас Бог, заповиједајући нам да се покајемо и уздржавамо од гријеха, [...] (КОСОВИЧ 2003: 132)

(1б) Это навел на нас Бог, веля нам покаяться и воздерживаться от греха, [...] (ЛИХАЧЕВ 1996: 229; ТВОРОГОВ)

В современных переводах мы видим один из двух вариантов перевода, т. е. деепричастный оборот, но если учесть и атрибутивную функцию, то ДПНВ на сербский язык можем перевести определительным предложением с формой имперфекта в сказуемом: *Бог који нам заповедаше*. Кроме приведенного здесь значения имперфекта, т. е. конкретно временно⁴го значения, ДПНВ можем перевести и формой настоящего времени: *Бог који нам заповеда*, поскольку значение рассматриваемой формы может относиться к любому моменту.

(2) ты слышаще дивлаху. (ПВЛ 1962: 9)

(2a1) Они који су га слушали, чуђаху се. (КОСОВИЧ 2003: 8)

(2a2) Остали пак, слушајући ово, чудише се; [...] (МИНИЧ 1994: 11)

(2б) Те же, слышав об этом / слышав, удивлялись; [...] (ЛИХАЧЕВ 1996: 145; ТВОРОГОВ)

В переводе на сербский язык Н. Косович употребил определительное предложение, но с перфектом в сказуемом. Данная форма в сербском языке является стилистически нейтральной. С другой стороны, В. Минич, как и русские переводчики, перевел ДПНВ деепричастным оборотом¹¹. Глагол *слышати* в словаре старославянского языка трактуется как двувидовой (СТСЛ, 615), в то время как древнерусские словари толкуют его по-разному — как

¹¹ „Некоторые глаголы несов. вида (преимущественно при употреблении с отрицанием) образуют дееприч. так же, как и глаголы сов. вида, т. е. присоединением суф. -в/-вши к основе прош. вр.: [...]“ (РГ 2005: 672).

глагол несовершенного вида (СРЕЗНЕВСКИЙ, III, 437–438) или как двувидовой (СРЯ, XXV, 147–148). В современном русском языке глагол *слышать* определяется как несовершенный, а его видовой парой является глагол *услышать* (ТСРЯ, 901). Значение совершенного вида данного глагола мы увидим в дальнейшем анализе (п. 3, пр. 7). В Р и А приводится форма *СЛЫШАВШЕ*, а в Т — *СЛЫШАЩЕІ*.

(3) Русь же видаци пламань· вмѣтаху сѧ въ воду морскую· (ПВЛ 1962: 44)

(3а) Руси пак, видјевши пламен, бацаху се у воду морску, [...] (КОСОВИЧ 2003: 27)

(3б) Русские / Русичи же, увидев / видя пламя, бросились / бросались в воду морскую, [...] (ЛИХАЧЕВ 1996: 159; ТВОРОГОВ)

Как видно, все переводчики употребили деепричастный оборот. Глагол *видѣти* толкуется как двувидовой, начиная со старославянского языка, потом в древнерусском, вплоть до современного сербского языка (СТСЛ, 114–115; СРЕЗНЕВСКИЙ, I, 256–257; СРЯ, II, 174; ССЛЯ, I, 369–370, ССЛНЯ, II, 589–590; СХСЯ, XX/86, 814–836). Но древнерусские словари по-разному толкуют данный глагол — так, в одном определяется только как несовершенный (СДРЯ, I, 420–423). В таком же значении глагол *видеть* в современном русском языке (ТСРЯ, 91). М. Спасоевич, анализируя двувидовые характеристики глагола *видети* в сербском языке, подчеркивает: „У значењима у којима је визуелна перцепција усмерена на неки ентитет, тј. када означава сам процес опажања '(у)гледати, опазити, опажати', могућа су оба вида. Ово значење карактерише и прелазност, често исказана правим објектом у акузативу“ (СПАСОЕВИЧ 2015: 123). Таким образом, атрибутивную функцию причастия как вторую возможность переводной семантизации мы переводим соответствующим определительным предложением, в котором сказуемое выражено формой имперфекта, при чем глагола несовершенного вида: *А Руси који ви1ђа5ху (=гледаху) пламен*. В Р и А приводится форма *видѣху*. Частица *же*, часто встречаемая в ПВЛ, особенно с формой ДППВ (п. 3), не влияет на значение рассматриваемой синтаксической функции.

О глаголах с формой несовершенного, а семантикой совершенного вида, как *оЗблаци5ти, чу1ја5ти, ви1ђа5ти, ну1ита5ти (се)* и др. в сербском языке писал Р. Мароевич (2016: 378–403). Так, в примере: „Ти нијеси саморана [самоЗрана5] глава: / видиш ове пет стотин момчади [мо1мча5ди5] — / које чудо [коЗје5 чу1до]

снаге и лакоће / у њих [у3њи5х] данас овђе видијесмо? / Виђаше ли [ви1ђа5шели] како стријељају, / ка се града [ка2се гра2да] вјешто изиграше, / како хитро грабљаху капице? [ГВ 110–116]“ (МАРОЕВИЧ 2016: 384) форму *ви1ђа5ше* автор толкует как 2-ое лицо единственного числа имперфекта глагола совершенного вида *ви1ђа5ти* в значении аориста *видје*.

(4) радовашеса рославъ вида множество цркви и люди хръ ны зѣло (ПВЛ 1962: 153)

(4а) (И) радоваше се Ярослав *видећи* мноштво цркава и људи хришћана, [...] (КОСОВИЧ 2003: 95)

(4б) И радовался Ярослав, *видя* множество церквей и людей христиан, [...] (ЛИХАЧЕВ 1996: 204; ТВОРОГОВ)

И в примере 4 у глагола *видѣти* значение несовершенного вида, поэтому можно употребить и определительное предложение с имперфектом в сказуемом: *И радоваше се Ярослав који ви1ђа5ше*. Правильную форму ДПНВ мужского рода *видѣа* приводит А.

(5) и заѡтра Волга сѣдаци в теремѣ посла по гости (ПВЛ 1962: 56)

(5а₁) И ујутру Олга, *сједећи* на кули, посла по госте, [...] (КОСОВИЧ 2003: 34)

(5а₂) Следѣега јутра, *сједећи* у кули, посла Олга по госте. (МИНИЧ 1994: 15)

(5б) На следующее утро, *сидя* в тереме, послала Ольга за гостями, [...] (ЛИХАЧЕВ 1996: 164; ТВОРОГОВ)

Такой же перевод, как в предыдущем примере, т. е. деепричастный оборот, мы видим и в приведенном здесь примере, несмотря на то, что значение смешанной функции может быть выражено и другим способом: *А ујутру Олга која сеђаше/седијаше*.

(6) мдртъ во велика естъ коже и Симонъ хвала е гѣше (ПВЛ 1962: 152)

(6а) А мудрост је велика, као што и Соломон *хваљаше* је, говорећи: [...] (КОСОВИЧ 2003: 94)

(6б) Велика естъ мудростъ; веѡ и Соломон, *прославляя* ее, говорил: [...] (ЛИХАЧЕВ 1996: 204; ТВОРОГОВ)

В сербском переводе причастие выражено личной глагольной формой, т. е. имперфектом, но в составе сложносочиненного предложения. Его двоякая интерпретация выражается, с одной стороны, придаточным предложением: *као што и Соломон који је хваљаше говораше*, а с другой — деепричастным оборотом, как в русском переводе: *као што и Соломон хвалећи је говораше*. В Р и А приводится форма *похвалаа*.

Приведем пример, в котором ДПНВ в атрибутивно-адвербиальной функции встречается и в «Слове о полку Игореве».

(7) Солнце ему тьмою путь заступаше; ноць *стонуци* ему грозою птичь

- увуди; свистъ звѣринъ въ стазби; [...] (СПИ 1800: 8–9)
- (7a₁) Сунце тамомъ путь му испречило, / Па ноћ *стенъ*, птице узбуђуе,
/ Те га страше, громомъ нападаю. / Стои врисакъ звѣря у пустыњи, [...] (СВЕТИЧ 1842: 152)
- (7a₂) Но помрча јарко сунце, / И у црне обви скуте / Магла тамна ведро
небо, / И по пољу покри путе. // *Помрчина, град с небесах*, / Зв'јерад дивља,
вика сове; [...] (МЕДИЧ 1870: 24)
- (7a₃) Сунце њему тмином пут заступаше, ноћ *стењући* њему громом птице
пробуди; врисак звјериња у стазби (ложи); [...] (УТЕШЕНОВИЧ-ОСТ-
РОЖИНСКИ 1871: 217)
- (7a₄) Сунце му је помрачено / Пут пред оком застирало, — / А ноћ *црна*
громовита / Птице, зверје све узбуди — / Захори се писак, врисак, [...] (ШАЙКОВИЧ 1930: 30)
- (7a₅) Сунце тамом застираше пут пред њиме; / ноћ, *стењући* на њег' гро-
зом, птице буди; / звиждук звери подиже се; [...] (ПАНИЧ-СУРЕП 1957:
41)
- (7a₆) Sunce mu pomrčinom put zaklanjaše, ноћ *prijeteći* olujom ptice probudi;
tulež zviјeri nastade. (БАДАЛИЧ 1957: 223)
- (7a₇) Сунце му је тамом / заклањало пут; / ноћ *јауком* грозним / птице про-
буди; / звери се зачуше. (НЕДИЧ 1971: 311)
- (7a₈) Сунце тамом пут му заклањаше; ноћ *олујна* птице пробудила, рика
звјери у јате их нагна. (МИНИЧ 1994: 39)
- (7б₁) Солнце ему тьмою путь заграждало; / ночь *стонами* грозы птиц про-
будила, / свист звериный поднялся, [...] (ЛИХАЧЕВ)
- (7б₂) Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь *стенаниями* грозными
птиц пробудила, свист звериный поднялся, [...] (ТВОРОГОВ СПИ)

Как видно, рассматриваемое причастие на сербский язык переводится деепричастным оборотом, существительным, как и в русском языке, прилагательным, а в одном переводе и личной глагольной формой. Здесь мы привели больше сербских переводов, начиная с середины XIX века, чтобы рассмотреть употребление имперфекта в данной синтаксической функции. Но ни один из переводчиков не воспользовался этой возможностью, т. е. не толковал ДПНВ в его атрибутивной функции. Кроме того, глагол *стонати* встречается и в переводе ПВЛ Н. Косовича, для которого переводчик употребляет глаголы *стењати* или *јецати*. Обратим внимание на то, что *јецати* или *јаукати* более подходящий перевод. Таким образом, имея в виду смешанный характер анализируемой функции, как мы уже говорили, и в приведенном примере можно употребить форму имперфекта в составе определительного предложения: *ноћ која јецаше/јаукаше*.

3. Атрибутивно-адвербиальная функция ДППВ

Поскольку в современном сербском языке, как мы уже говорили, сохранилась сложная система прошедших времен, древне-

русское ДППВ можно переводить формой аориста или перфекта, в зависимости от значения. И в древнерусском, и в современном сербском языках аорист употребляется в выражении таких последовательных действий, которые в нарративном тексте способствуют динамике и экспрессивности самого текста. С другой стороны, мы уже упоминали, что форма перфекта стилистически не окрашена. К тому же в ПВЛ аорист самая частотная форма прошедших времен, особенно при выражении следующих друг за другом действий. Таким образом, ДППВ на сербский язык мы будем переводить формой аориста в составе соответствующего предложения. Аорист, как и имперфект, в русском языке не сохранился, поэтому для реконструкции древнерусской смешанной функции причастия, когда толкуем его в атрибутивном значении, нам может послужить только сербский язык.

(1) рославъ же *совокупивъ* Русь и Варагы и Словѣнѣ поиде противу Болеславу и Стополку (ПВЛ 1962: 142–143)

(1a) [...] а Ярослав, *сакутивши* Русе, и Варјаге, и Словене, пође усусрет Болеславу и Свјатополку, [...] (КОСОВИЧ 2003: 88–89)

(1б) Ярослав же, *собрав* русь, / множество руси, и варягов, и словен, пошел против Болеслава и Святополка [...] / пошел против Болеслава и Святополка. (ЛИХАЧЕВ 1996: 200; ТВОРОГОВ)

В атрибутивно-адвербиальной функции между именным словом и причастием в большом количестве примеров с ДППВ находится частица *же*, которая не влияет на значение данной функции. Сербский и русские переводчики употребили деепричастный оборот, который в таких примерах самая частотная форма при переводе на современные языки, чем подчеркивается адвербиальная функция причастия. С другой стороны, поскольку ДППВ можно толковать и как атрибут, то в переводе допустимо и определительное предложение с формой аориста в сказуемом: *А Ярослав који сакути*. В Р и А приводится личная глагольная форма, т. е. аорист *совъкупи*.

(2) поваръ же Глѣбовъ именовъ Торчинъ *вынезъ* ножъ зарѣза Глѣба акы агна непорочно (ПВЛ 1962: 136)

(2a) А кувар Глѣбов, по имену Торчин, *извукавши* нож, закоље Глѣба, као јагње непорочно. (КОСОВИЧ 2003: 85)

(2б) Повар же Глеба, именов Торчин, *вынув* нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка. (ЛИХАЧЕВ 1996: 198; ТВОРОГОВ)

В приведенном примере ДППВ в постпозиции, т. е. следует за словосочетанием, поэтому его можно толковать и как атрибут, т. е. перевести его на сербский язык и придаточным предложением:

А Глебов кувар по имену Торчин који извуче нож. В Р и А вместо причастия приводится личная глагольная форма, именно аориста

— *ВЪНЗЕ.*

(3) Ольга же поимши м^алы дружины легъко идущи приде къ гробу его [и] плакаса по мужи своемъ (ПВЛ 1962: 57)

(3а₁) Олга пак, узевши (са собом) малу дружину, идући без пртљага, дође његову гробу, и оплака мужа својега. (КОСОВИЧ 2003: 35)

(3а₂) Олга, узевши са собом малу дружину, крену полако, дође на гроб свога мужа и оплака га. (МИНИЧ 1994: 16)

(3б) Ольга же, взяв с собою небольшую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. (ЛИХАЧЕВ 1996: 164; ТВОРОГОВ)

В смешанной функции может быть и действительное причастие в форме женского рода (п. 2.2., пр. 5, 7), а на его атрибутивный характер, кроме адвербиального, указывает перевод: *А Олга која узе.*

(4) посем же мца иѡла въ г^р днѣ Изаславъ Стославъ [и] Всеволодъ цѣловавше крѣтъ ѹтнѣи къ Всеславу рекше ему приди к намъ ко не створимъ ти зла (ПВЛ 1962: 167)

(4а) А послѣје овога, мјесеца јула 10-ога дана, Изјаслав, Свјатослав и Всеволод, *цѣливавши* крст часни Всеславу, рекоше му: „Дођи к нама, нећемо ти учинити зла“. (КОСОВИЧ 2003: 103)

(4б) Затем / Позднее, месяца июля в 10-й день Изяслав, Святослав и Всеволод, *поцеловав* крест честной Всеславу, сказали ему / *поцеловав* крест честной, сказали Всеславу: «Приди к нам, не сотворим тебе зла». (ЛИХАЧЕВ 1996: 210; ТВОРОГОВ)

В сборнике, которым мы пользовались при анализе примеров, в примечаниях указывается, что форма *РЕКШЕ* должна быть в значении аориста, т. е. личной глагольной формы *РЕКОША*, или форму *ЦѢЛОВАВШЕ* мы должны рассматривать как аорист *ЦѢЛОВАША*. В любом случае у одного из приведенных причастий должно быть значение личной глагольной формы; *ЦѢЛОВАВШЕ* включим в анализ как причастие а *РЕКШЕ* интерпретируем как неправильную форму аориста. Поэтому, кроме деепричастного оборота, представленного в переводах, мы укажем и на атрибутивное значение: *који целиваше*. В словаре старославянского языка глагол *цѣловати* описывается как двувидовой (СТСЛ, 772), в то время как И. И. Срезневский трактует его как несовершенный, приводя примеры, в которых данный глагол употребляется и как совершенный (СРЕЗНЕВСКИЙ, III, 1451–1453). У сербских глаголов *целивати* и *целовати* тоже двувидовые характеристики¹² (ССЛЯ, VI, 777–778,

¹² См. СПАСОЕВИЧ 2015: 169.

СХСЯ, I, 806–809). Чтобы указать на значение совершенного вида, русские переводчики употребили приставочный глагол *поцеловать*, поскольку *целовать* сохранил только значение несовершенного вида.

(5) Ёндрѣи же *бывъ* в Римѣ приде в Синофию (ПВЛ 1962: 9)

(5a₁) Андреј пак, *проборавивши* у Риму, дође у Синоп. (КОСОВИЧ 2003: 8)

(5a₂) [...] а Андреја *остаде* мало у Риму, па се врати у Синоп. (МИНИЧ 1994: 11)

(5б) [...] Андрей же, *побыв* в Риме, пришел в Синоп. (ЛИХАЧЕВ 1996: 145; ТВОРОГОВ)

В старославянском и древнерусском языках глагол *быти* толкуется как двувидовой (СТСЛ, 103–105; СДРЯ, I, 339–349; СРЯ, I, 366–367). С другой стороны, И. И. Срезневский приводит примеры, в которых данный глагол употребляется только как несовершенный (СРЕЗНЕВСКИЙ, I, 204–210). И в сербском языке глагол *бити* двувидовой¹³ (СХСЯ, I, 342–372; ССЛЯ, I, 207–209; ССЛНЯ, I, 581–584). М. Спасоевич указывает: „Да је двовидност историјска особина овог глагола, осим аориста и имперфекта, доказују и облици глаголских прилога *бивши* и *будући*, који су се данас углавном адјективизовали“ (СПАСОЕВИЧ 2015: 107). В современных переводах у данного глагола значение совершенного вида, в составе деепричастного оборота, а у одного сербского переводчика представлен и аорист, но приведенный пример можно также перевести, употребляя придаточное предложение: *А Андреј који проборави*.

(6) ѿни же *видѣвше* с оно страны и приѣхаша в лодыи противу ему (ПВЛ 1962: 66)

(6a) Они с оне стране пак, *видјевши* то, доплловише у лађи до њега, [...] (КОСОВИЧ 2003: 41)

(6б) На том берегу *заметили* это / Те же *заметили* его с другого берега, подъехали к нему в ладье, [...] (ЛИХАЧЕВ 1996: 168; ТВОРОГОВ)

Здесь глагол *видѣти* совершенного вида (п. 2.2., пр. 3, 4), а характер смешанной функции отражается в возможности употребления и определительного предложения с аористом в сказуемом: *А они који с оне стране видеше*.

(7) Мьстиславъ же *слышавъ* взиде противу има к Листвену (ПВЛ 1962: 148)

(7a) А Мстислав, *чувши*, изађе усусрет њима к Листвену. (КОСОВИЧ 2003: 92)

(7б) Мстислав же, *услышав*, вышел против них к Листвену. (ЛИХАЧЕВ 1996: 202; ТВОРОГОВ)

¹³ Ср. ГРИЦКАТ 1957–1958: 67–69; СПАСОЕВИЧ 2015: 106–113.

В отличие от вышеприведенного примера (п. 2.2, пр. 2), в котором глагол *слышати* употребляется как несовершенный, здесь данный глагол получает значение совершенного вида, как нам показывает перевод на современные языки. Если причастие рассматриваем и в атрибутивном значении, то его переводим придаточным предложением: *А Мстислав који чу*.

(8) Бѣлозерци же *шедше* ша и приведоша є къ неві (ПВЛ 1962: 176)

(8a) А Бјелозерци *одоше*, ухватише их, и приведоше (их) к Јању. (КОСОВИЧ 2003: 109)

(8б) Белозерцы же *пошли*, захватили их и привели к Яню. (ЛИХАЧЕВ 1996: 214; ТВОРОГОВ)

В то время как глагол *ити* в словаре старославянского языка толкуется как двувидовой (СТСЛ, 275–276), в древнерусских словарях определяется как несовершенный (СДРЯ, IV, 178–181; СРЕЗНЕВСКИЙ¹⁴, I, 1023–1024; СРЯ, VI, 356–357). И. Грицкат указывает: „Познато је да је глагол «ићи» значио некада и «поћи» и да се са префиксом појавио у старословенским споменицима тек касније“ (ГРИЦКАТ 1957–1958: 74). В переводах причастия в атрибутивно-адвербиальной функции используется личная глагольная форма, т. е. аорист в сербском, прошедшее время в русском языке, но и в сербском, и в русском языках употреблено простое распространённое предложение с однородными сказуемыми. Имея в виду его вышеупомянутые характеристики, ещё раз подчеркнем, что данную форму можно перевести определительным придаточным предложением, сказуемое которого выражено формой аориста: *А Белозерци који одоше*, или деепричастным оборотом: *А Белозерци отишавши*.

4. Выводы

Данный анализ показал, что древнерусские краткие действительные причастия настоящего и прошедшего времени, находящиеся в постпозиции в форме именительного падежа, интерпретируются двумя способами. Таким образом их можно толковать как атрибуты, т. е. переводить их на современный сербский язык определительным придаточным предложением, или как адвербы и

¹⁴ Первое объяснение автор даёт на греческом языке, а в остальных толкует глагол *ити* как несовершенный.

переводить их деепричастным оборотом. В зависимости от значения — настоящего времени, имперфекта или аориста, сказуемое придаточного предложения выражается соответствующей глагольной формой. Сложная система прошедших времен в современном сербском языке помогает при реконструкции значения древнерусских причастий, чем подчеркивается важность их сопоставительного изучения в синхронном срезе.

ЦИТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

- БЕЛИЧ 1933–1934: Белић, Александар. „Musić dr A, Značenje i upotreba participa u srpskohrvatskom jeziku“, *Јужнословенски филолог* књ. XIII (1933–1934): стр. 195–202.
- БЕЛИЧ 1998: Белић, Александар. *Опита лингвистика: О језичкој природи и језичком развоју*. Књига I и II. Изабрана дела Александра Белића, т. I, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1998.
- ГРИЦКАТ 1957–1958: Грицкат, Ирена. „О неким видским особеностима српскохрватског глагола“, *Јужнословенски филолог* књ. XXII (1957–1958): стр. 65–130.
- ДЖЕРДЖИЧ 1975: Ђорђевић, Петар. *Старословенски језик*, Нови Сад: Матица српска, 1975.
- ИГРЯ 1982: *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол* (под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова), Москва: Наука, 1982.
- МАРОЕВИЧ 2016: Маројевић, Радмило. *Луча микрокозма*. Критичко издање. Текстологија. Редакција и коментар Радмило Маројевић, Подгорица: ЦИД, Цетиње: Narodni muzej Srne Gore, 2016.
- ПЕШИКАН 1959: Пешикан, Митар. „Неке напомене о развоју активних партиципа у српскохрватском језику“, *Зборник за филологију и лингвистику* књ. II (1959): стр. 88–106.
- РГ 2005: *Русская грамматика, I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*, Москва: РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2005.
- СПАСОЕВИЧ 2015: Спасојевић, Марина. *Двовидски глаголи у савременом српском језику*, докторска дисертација, Београд: 2015.
- СУБОТИЧ 1984: Суботић, Љиљана. *Судбина партиципа у књижевном језику код Срба у 19. веку*, Прилози проучавању језика, Нови Сад: Институт за јужнословенске језике Филозофског факултета у Новом Саду, 1984.

ИСТОЧНИКИ

- БАДАЛИЧ 1957: „Sprjev o vojevanju Igorovu, Igora, sina Svjatoslavova, unuka Olegova“. Перевод Иосипа Бадалича, *Slavistična revija*, X (1957): стр. 217–229.
- КОСОВИЧ 2003: *Повијест минулих љета или Несторов љетопис* (I издање). Перевод Ненада Косовича, Београд: ИКП Никола Пашић, 2003.
- ЛИХАЧЕВ 1996: *Повесть временных лет*. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Издание второе исправленное и дополненное, Санкт-Петербург: „Наука“, 1996.
- ЛИХАЧЕВ: *Слово о полку Игореве*. Перевод Дмитрия Сергеевича Лихачева <<http://grammar.ru/LIT/?id=2.1>> 5. 08. 2016.

- МЕДИЧ 1870: *Слово о полку Игоревом или Пјесма о Игоревој чети*, Перевод Данила Медича, Петроград: У тискарници Царске Академије наука, 1870.
- МИНИЧ 1994: *Одабране странице старе руске књижевности*, Перевод Вука Минича, Цетиње: Обод, 1994.
- НЕДИЧ 1971: „Песма о ратовању Игорову“. Перевод Владана Недича, *Летопис Матице српске* књ. 408, св. 4 (октобар 1971): стр. 309–334.
- ПАНИЧ-СУРЕП 1957: *Слово о полку Игорову. Јуначки спев XII века*. Перевод Милорада Панича-Сурепа, Београд: Нолит, 1957.
- ПВЛ 1962: *Повесть временных лет в: Полное собрание русских летописей*. Том первый. *Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку*, Ленинград 1926. Москва: Издательство восточной литературы, 1962.
- СВЕТИЧ 1842: „Пјсна (Слово) о полку Игорѣвомъ (XII вѣка)“. Перевод Милоша Светича, *Голубица сь цвѣтомъ књижества србскогъ*, IV (1842): стр. 148–178.
- СПИ 1800: Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова, Москва: въ Сенатской Типографіи, 1800.
- ТВОРОГОВ: *Повесть временных лет*. Перевод Олега Викторовича Творогова <<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869>> 5.08.2016.
- ТВОРОГОВ СПИ: *Слово о полку Игореве*. Перевод Олега Викторовича Творогова <http://files.schoolcollection.edu.ru/dlrstore/7c8a2d41fec84ab1a42092fa7250cfec/Slovo_o_polku.pdf> 5.08.2016.
- УТЕШЕНОВИЧ-ОСТРОЖИНСКИ 1871: „Слово о пуку Игореву, Игора сына Светославова, унука Ольгова“. Перевод Огнеслава Утешеновича-Острожинского, *Вила Острожинска. Ситне пјесме и основа естетике*, Беч: Из штампарије Л. Соммера и друг., 1871.
- ШАЙКОВИЧ: *Песма о војевању Игорову — руски епски спев из XII века*. Перевод Ивана Шайковича, Нови Сад: Штампарија Јовановића и Богданова, 1930.

СЛОВАРИ

- СДРЯ 1988, 1991: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, I, IV, Москва: Русский язык, 1988, 1991.
- СРЕЗНЕВСКИЙ 2003: Измаил Иванович Срезневский. *Материалы для словаря древнерусского языка*, I, III. Санкт–Петербург, 1893, 1903. Москва: Знак, 2003.
- СРЯ 1975, 1979, 2000: *Словарь древнерусского языка XI–XVII вв.*, I, II, VI, XXV, Москва: Наука, 1975, 1979, 2000.
- ССЛЯ 1967, 1976: *Речник српскохрватскога књижевног језика*, I, VI. Нови Сад—Загреб, 1967, 1976. Нови Сад: Матица српска, 1990.
- ССЛНЯ 1959, 1962: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, I, II, Београд: САНУ, Институт за српскохрватски језик, 1959, 1962.
- СТСЛ 1994: *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой, Москва: Русский язык, 1994.
- СХСЯ 1880–1882, 1972.: *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I, XX/86, Zagreb: JAZU, 1880–1882, 1972.
- ТСРЯ 2007: *Толковый словарь русского языка* (отв. ред. Н. Ю. Шведова), Москва: РАН, 2007.

АТРИБУТСКО-АДВЕРБИЈАЛНА ФУНКЦИЈА СТАРОРУСКИХ
РАДНИХ ПАРТИЦИПА

Резиме

У раду се на материјалу *Повести о минулим временима* разматра мешовита атрибуто-адвербијална функција староруског радног партиципа садашњег и прошлог времена. Двојака интерпретација наведених облика условљена је категоријом придевског вида, коју су партиципи имали, али и њихова постпонованост у односу на именску реч или синтагму. На тај начин анализирани облици могу се преводити зависном односно реченицом са одговарајућим глаголским обликом у предикату или конструкцијом с глаголским прилогом садашњим. Будући да радни партицип садашњег времена може, поред презенте, имати и значење имперфекта, а радни партицип прошлог времена има првенствено значење аориста, српски језик, захваљујући сачуваном систему прошлих времена, омогућава нам одговарајућу реконструкцију староруских форми, чиме указујемо на важност проучавања двају језика посматраних у оквиру синхроног пресека.

Кључне речи: радни партицип, староруски језик, српски језик, односна реченица, глаголски прилог.

